

тинка с точно таким же знаком была найдена при раскопках в Саркеле в слое X в., что дало основание ее издателю отнести знак на пластинке именно Святославу Игоревичу⁹⁰.

Печать И з я с л а в а. Определению печати № 2 способствует и хорошо читаемая надпись «Изас[лав]ос», и строение изображенного на ней княжеского знака, чрезвычайно близкого тамге Владимира Святославича и отличающегося от нее лишь дополнительным кружком на вершине левого зубца. Эти два признака позволили нам определить буллу, найденную в Новгороде в слое XII в., принадлежащей старшему сыну Владимира Святославича Изяславу (умер в 1001 г.)⁹¹.

Обращает на себя внимание отсутствие в изображениях буллы каких-либо христианских эмблем, которое резко отличает ее от всего наличного материала русской сфрагистики домонгольской поры и сближает только с печатью, предположительно отнесенной выше Святославу Игоревичу.

До находки печати Дмитрия (№ 3) с изображением княжеского знака иного рисунка можно было колебаться в атрибуции буллы № 2, допуская, что она могла принадлежать не Изяславу Владимировичу, а Изяславу Ярославичу, хотя несомненные архаизирующие признаки буллы с самого начала позволили принять правильное решение. Теперь эти колебания не могут уже иметь места.

Всего к группе булл архаической традиции отнесены 16 печатей, оттиснутых 13 парами матриц. Итоги их предположительной атрибуции позволяют формулировать основной вывод, важный для представлений о начальном этапе развития русской сфрагистики. Н. П. Лихачев был неправ, поставив в начале истории русских печатей заимствованный из Византии тип с изображением на одной стороне святого и с греческой строчной надписью на обороте. В действительности существование такого типа устанавливается лишь в середине XI в., по

всей вероятности, не ранее кончины Ярослава Владимировича.

В более ранний период на Руси существует княжеская вислая печать, оформление которой опирается на иные традиции. Ранний тип княжеской буллы, уже сложившийся в X в., в дохристианский период, строит свои композиции на основе изображения княжеской тамги и условного княжеского портрета, широко используя несвойственные позднейшим сфрагистическим типам круговые надписи. Печати архаической традиции обнаруживают большую близость к синхронным им монетным типам, которые в сущности представляют собой своеобразную сферу применения княжеского штемпеля. В одном случае печатью удостоверяется действительность снабженного ею акта, в другом — подлинность и гарантированное качество монеты. Вопрос о связи нумизматики и сфрагистики давно уже сделался общим местом в исторической литературе. В данном случае мы имеем перед глазами один из ярких примеров такой связи. Стоит отметить, что близость булл архаической традиции типу раннего русского чекана ведет к взаимному подтверждению датировок обеих групп этих памятников. Если сходство сфрагистических и монетных типов оказалось полезным для решения проблемы датировки и атрибуции ранних печатей, то это сходство лишней раз подтверждает и правильность принятой сейчас даты чеканки древнейших русских монет. Попытки датировать вслед за А. В. Орешниковым ранний русский чекан второй половиной XI в. поставят монетные типы со всеми их явно архаизирующими элементами в чуждый им контекст следующего этапа княжеской сфрагистики, когда сходные с монетными принципы оформления буллы были уже отброшены и на Руси господствовала единообразная печать с греческими строчными надписями.

Возникнув уже в X в., печати архаической традиции бытуют до конца третьей четверти XI в. На протяжении последних двух десятилетий своей истории они сосуществуют с распространившимися с середины XI в. княжескими печатями нового типа — «греко-русского», который, вытеснив их, сам существовал лишь сравнительно короткое время: позднейшие буллы этого типа, как мы уже видели, датируются началом XII в.

⁹⁰ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 430.

⁹¹ В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 39—46.